Проблемы преподавания языка

Language Education

DOI: 10.37892/2218-1393-2020-12-1-275-307

Из опыта проведения практических занятий по анализу
художественного текста: стилистический прием аллегории

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В предлагаемой статье основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: (а) жанровое своеобразие художественного текста, который целиком строится на стилистическом приеме аллегории; (б) языковые средства персонификации абстрактных понятий с целью создания приема аллегории; (в) выделение слов, которые являются ключевыми для осознания смысла аллегории; (г) смысловая сочетаемость ключевых слов с другими словами текста (они могут принадлежать различным частям речи), имеющими оценочное значение; (д) прямая речь действующего лица как одно из средств создания аллегорического смысла.

Ключевые слова

Ирония, сарказм, оценочное значение слова, контекстуальная оценочная синонимия.

Слово *аллегория* пришло из греческого языка. Оно означает ‘говорить в переносном смысле’, т.е. метафорически, образно, фигурально.

Аллегория — это изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа. Общеизвестны старинные аллегии: весы — правосудие, крест — вера, якорь — надежда, сердце — любовь.

Аллегоричны персонажи «Божественной комедии» Данте, где звери (пантера, лев, волчица) — это страсти человека; Вергилий, спасающийся от зверей, — разум; Беатриче — божественная наука. На аллегорический характер персонажей указывают фамилии в произведениях русских писателей, например, Простакова и Правдин у Д. Фонвизина, Скалозуб и Молчалин у А. Грибоедова, ряд фамилий в произведениях М. Салтыкова-Щедрина, Чехова [ПС, 16—17].

Иными словами, аллегория — это условное, иносказательное выражение отвлеченных понятий с помощью конкретного, наглядного образа. Так, например, в баснях И.А. Крылова аллегорическое изображение лисы имеет значение не само по себе, а только как изображение чего-то такого, что свидетельствует о хитрости, пронырливости и т.д.

Поскольку аллегория является условным знаком (символом) изображаемого, постольку воспринимается она не непосредственно, а лишь в результате соответствующей абстрагирующей деятельности мозга человека [ЛС].

Приведем два определения аллегии, сформулированных по-английски:

“**Allegory** is a stylistic device consisting in a figurative treatment of a subject under the guise of another having analogous properties or circumstances. Thus, the allegory of **peace** is a **white dove**; the allegory of **freedom** are **broken chains**, etc.” [Collins, 40].

“**Allegory** (in literature) is the description or illustration of one thing in terms of another, or personification of abstract ideas. The term is also used for a work of poetry or prose in the form of an extended metaphor or parable that makes use of symbolic fictional characters. Allegory is often used for moral purposes. Medieval allegory often used animals as characters; this tradition survives in such works as *Animal Farm* 1945 by George Orwell” [HE, 27].

Аллегория, как форма представления действительности, используется не только в литературе, но также в живописи и скульптуре. У читателя/зрителя она всегда вызывает двойной интерес — интерес к какой-либо конкретной истории, сцене, персонажу и, с

другой стороны, интерес к *значимости* мыслей, которые эти персонажи, сцены и т.д. передают. Поэтому аллегория всегда связана не только с эстетическим переживанием, но также неизбежно и с интерпретацией увиденного или прочитанного, т.е. требует от читателя/зрителя известных интеллектуальных усилий (см. выше об абстрагирующей деятельности мозга необходимой для восприятия аллегории).

Выше мы столкнулись с такими определениями аллегории, которые включали слова *условный знак*, *символ*, изображение посредством *символических*, *выдуманых персонажей*. В словарях и справочниках настойчиво повторяется мысль о том, что *аллегория* и *символизм* являются синонимами, что не всегда удастся безоговорочно и точно отделить аллессию от символизма.

Подобно аллессии символизм используется не только в литературе, но также в живописи, скульптуре, музыке, архитектуре. Он большей частью связан с попыткой показать то, что по самой своей природе с трудом поддается (или же вообще не поддается) привычному, реалистичному изображению по причине нематериального, идеального или духовного характера изображаемого.

Анализ языковых признаков аллегории, проводимый в рамках практического занятия, оказался связанным со следующими вопросами:

1. Выделение лексических единиц, способных по своему смыслу создать персонафикацию той или иной абстрактной идеи.
2. Выделение слов, которые являются ключевыми для создания какой-либо одной определенной аллегории, и принцип сочетаемости этих слов с другими словами в пределах одной и той же или разных частей речи.
3. Анализ синонимичных средств (если таковые имеются в тексте) того или иного ключевого слова.
4. Диапазон оценочных возможностей слова в рамках аллегории (нейтральная оценка, а также положительная и отрицательная оценки различной интенсивности).
5. Отбор лексических средств, уточняющих оценочное значение слова.

6. Введение в нарратив прямой речи персонажа и разговорных лексических средств как средство создания аллегорического образа.

7. Переход от общей констатации факта к его частному проявлению как один из способов создания аллегории.

Говоря об аллегории и о тех жанрах, в которых она находит свое наиболее частое воплощение, следует упомянуть басню, сказку, притчу, а также гротеск и произведения сатирического плана. Богатый материал для изучения стилистического приема аллегории даёт жанр *литературной* сказки. В качестве примера, представляющего собой яркую социальную и политическую сатиру, приведем отрывок из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла» (здесь и ниже для удобства выполнения заданий текст отрывка разделен на пронумерованные фрагменты):

1. «Воблу поймали, вычистили внутренности (только молоки для приплоду оставили) и вывесили на веревочке на солнце: пускай проявится. Повисела вобла денек-другой, а на третий у ней и кожа на брюхе сморщилась, и голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался.

2. И стала вобла жить да поживать.

— Как это хорошо, говорила вяленая вобла, — что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести — ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!

3. Что бывают на свете лишние мысли, лишняя совесть, лишние чувства — об этом, еще живучи на воле, вобла слышала. И никогда, признаться, не завидовала тем, которые такими излишками обладали. От рождения она была вобла степенная, не в свое дело носа не совала, за «лишним» не гналась, в эмпиреях не витала и неблагонадежных компаний удалялась. Еще где, бывало, слышит, что пескари об конституциях болтают — сейчас налево кругом и под лопух схоронится.

4. Однако же, и за всем тем, не без страху жила, потому что не ровен час, вдруг... «Мудреное нынче время! — думала она, — такое мудреное, что и невинный за виновато-

го как раз сойдет! Начнут, это, шарить, а ты *около* где-нибудь спряталась, — ан и *около* пошарят! Где была? По какому случаю? Каким манером? — Господи, спаси и помилуй!»

5. Стало быть, можете себе представить, как она была рада, когда ее изловили и все мысли и чувства у ней выхолостили! «Теперь милости просим! — торжествовала она, — когда угодно и кто угодно приходи! Теперь у меня все доказательства налицо!»... Что именно разумела вобла под названием «лишних» мыслей и чувств — неизвестно, но что, действительно, на наших глазах много лишнего завелось — с этим и я не согласиться не могу...

6. И только тогда, когда ее на солнце хорошенько провялило и выветрило, когда она убедилась, что внутри у нее ничего, кроме молока, не осталось, — только тогда она ободрилась и сказала себе: «Ну, теперь мне на все наплевать»!

И точно: теперь она, даже против прежнего, сделалась солиднее и благонадежнее. Мысли у ней — резонные, чувства — никого не задевающие, совести — на медный пятак. Сидит себе с краю и говорит, как пишет.

7. Нищий к ней подойдет — она оглянется, коли есть посторонние — сунет нищему в руку грошик; коли нет никого — кивнет головой: Бог подаст! Встретится с кем-нибудь — непременно в разговор вступит; откровенно мнение свое выскажет и всех основательностью восхитит. Не рвется, не мечется, не протестует, не клянет, а резонно об резонных делах калякает. О том, что тише едешь, дальше будешь, что маленькая рыбка лучше, чем большой таракан, что поспешишь — людей насмешишь и т.п. А всего больше о том, что уши выше лба не растут.

8. — Ах, воблушка! Как ты скучно на бобах разводишь! Точно тебя тошнит! — воскликнет собеседник, ежели он из свеженьких.

— И всем скучно сначала, — стыдливо ответит воблушка. — Сначала — скучно, а потом — хорошо. Вот как поживешь на свете, да пошарят *около* тебя вдоволь — тогда и об воблушке вспомнишь, скажешь: «Спасибо, что уму-разуму учила!»

9. Да нельзя и не сказать спасибо, потому что, ежели по правде рассудить, так именно только одна воблушка в настоящую центру попала. Бывают такие обстановочки,

когда подлинного ума-разума и слыхом не слыхать, а есть только воблушкин ум-разум. Люди ходят, как сонные, ни к чему приступить не умеют, ничему не радуются, ничем не печалятся. И вдруг в ушах раздается успокоительно-соблазнительный шепот: «Потихоньку да полегоньку, двух смертей не бывает, одной не миновать...» Это она, это воблушка шепчет! Спасибо тебе, воблушка!» (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Изд-во «Художественная литература». Москва, 1975, с. 480—483).

Вопросы и задания:

1. Прежде всего, обратите внимание на прилагательное *лишний* и существительные *излишки* и *лишнее*: лишние мысли, лишние чувства, лишняя совесть, все у меня лишнее выветрило (2, 3, 5); обладать излишками (3); за «лишним» не гналась (3); много лишнего завелось (5).

Лишний, по определению толковых словарей, имеет значение ‘ненужный, бесполезный’ (2-е значение [Ожегов, Шведова, 330]). Как вы считаете, можно ли считать данное значение ключевым для осознания аллегорического смысла приведенного выше фрагмента? Каким образом вы можете сформулировать этот смысл?

Помимо значения ‘ненужный, бесполезный’, прилагательное *лишний* имеет также значение ‘избыточный, остающийся сверх известного количества’ [там же]. В примере «И если отзовешься — *лишний труд*, Не будет отзвука на отзвук» (И.В. Чиннов) [НКРЯ] реализуется первое значение из двух, указанных выше.

В рассматриваемом нами фрагменте из Салтыкова-Щедрина оба значения реализуются одновременно: по мнению вяленой воблы, всякая мысль не только бесполезна, но опасным образом далеко выходит за рамки чего-то нужного.

В поэтических текстах, напротив, как правило, преобладает одно значение — ‘ненужный’:

Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, *немножко лишний*,
Педант в роговых очках.

(Д.Б. Кедрин) [НКРЯ].

И в утешение сказать могу тебе:

Ты лишний, ты ненужный человек, -

Для некоторых быть лишним утешенье.

(С.Е. Нельдихен) [НКРЯ].

Салтыков-Щедрин ставит прилагательное *лишний* в один ряд с существительными *мысли, совесть, чувства*. Какое из этих трех существительных представляется вам наиболее выразительным (экспрессивным) в том случае, когда речь идет о ненужности и бесполезности? Или же, в данном контексте, все три слова следует рассматривать как единое целое? Изложите свой ответ в письменном виде.

В толковых словарях найдите определения существительных *ирония* и *сарказм*. Иронично или саркастично словосочетание *лишние мысли (совесть, чувства)*? На этот вопрос также желательно ответить в письменном виде.

2. В первом фрагменте находим: «... и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался». В толковых словарях прилагательное *дряблый* определяется как ‘лишенный упругости, крепости, вялый’ [Ожегов, Шведова, 181], а в переносном значении как ‘лишённый энергии, способности к действию; безвольный, бесхарактерный (о человеке, его характере)’ [БТС].

В современном употреблении наблюдается тенденция к усилению этого переносного значения путём использования таких словосочетаний, как *дряблый и бескостный, дряблый и трусливый, слабый и дряблый, дряблый застой и бессилье (людей)*. Например:

а) «Чтобы преодолеть это состояние, он считал необходимым объединить 400-миллионный *дряблый и бескостный народ* в нацию» (А. Москалёв. Доктрина китайской нации).

б) «Да ведь ничего подобного! *Я человек слабый, я дряблый человек*. Бороться, ходить около опасности, рисковать собой — своей свободой, жизнью — я на это совершенно не способен» (Д.Я. Айзман).

в) «Но, как только обнаружится малейшая слабость, мягкость, непрямолинейность признанного героя, так он мгновенно сшибается с пьедестала пинком и обливается презрением — он обманщик, *дряблый и трусливый негодяй*, не лучше всего прочего презренного стада человечишек, подлых и корыстных» (П.А. Флоренский).

г) «Страна, как *дряблый, изношенный организм*, распадается, разлезается на части, и чем дальше, тем сильнее» (П.А. Сорокин).

д) «Наконец, на исходе второго дня, он очнулся, и потягивался, и расправлял затекшие члены, и долго и ломко хрустел каждым хрящиком, разгоняя по телу бодрость, гнал прочь *дряблый застой и бессилие*» (Петр Алешковский) [НКРЯ].

Задание:

По аналогии с примерами из [НКРЯ], приведенными выше, придумайте и опишите ситуацию, в которой прилагательное *дряблый* будет употреблено (в рамках одной и той же синтаксической конструкции) наряду с каким-либо другим словом отрицательной оценки.

3. Во втором фрагменте находим три глагола с одной и той же приставкой *вы*— (всё у меня лишнее **выветрили**, **вычистили**, **вываляли**), которая, в данном случае, имеет значение исчерпанности, окончательности (или предела) действия.

Задание:

Рассмотрите приводимый ниже ряд слов (он выделен курсивом), использованных сатириком, и подумайте над тем, случаен ли тот факт, что все эти слова начинаются с одного и того же звука [в]. Иными словами, наблюдаем ли мы здесь явление аллитерации (использование автором особого фонетического стилистического приема) или же имеет место случайное совпадение: *вобла, вяленая вобла, вычистили внутренности, вывесили на веревочке, выветрили, вывялили, выхолостили*.

4. В третьем фрагменте использовано прилагательное *степенная* (от рождения она была *вобла степенная*). Словарное значение прилагательного *степенный* формулируется как ‘рассудительно-серьезный, важный, солидный’.

Особенностью этого слова является возможность его употребления в широком диапазоне оценочных характеристик. Так, мы находим данное прилагательное в примерах, лишенных какой-либо оценочности. В этом случае имеет место *нейтральная* констатация факта. Например:

«Это был старый, величественно-угрюмый сад, на самую сильную бурю отвечавший только сдержанным гулом, внизу его было темно и мертвенно-тихо, как на дне пропасти, а вверху стоял неясный шорох и шум, похожий на далекий *степенный говор*» (Л. Андреев).

«Сегодня шахтёра на улицах Кемерово узнать несложно: *степенный человек средних лет* с въевшейся вокруг глаз угольной пылью» (К. Анохин).

«Шабашьте, ребята, — сказал *степенный грузчик Николаев*, — Всё равно всех денег не заработаете» (Василий Аксенов).

Положительная оценочная характеристика отчетливо видна в следующих примерах:

«Это я — вольный ветер, море по колено, даже если горько — смеюсь, а не плачу. А ты человек *степенный, семейный, обязательный*. Ты похож на всех героев русской литературы одновременно» (А. Кириллин).

Они — втроем, и с той поры
Нам дорог каждый Кукрыникса.

Степенный КУ,

Лукавый КРЫ,

И, как всегда, веселый НИКС

(Борис Ефимов)

«Конечно, — заметил Гаврила Афанасьевич, — человек он *степенный и порядочный*, не чета ветрогону (А.С. Пушкин).

Иронично-насмешливая экспрессивная окрашенность использована в следующем примере:

«Толпа бесновалась: вот визжат какие-то дамочки, вот *степенный* дяденька тербит в руках четки и истово молится, вот две бабульки размахивают портретом своего кумира» (П. Волошина, Е. Кульков).

«Тихий, лысоватый, *степенно-скорбный* исследователь кладбища удовлетворенно кивнул мне в прихожей хрущевки в Сокольниках и замер: он вдруг понял, что этим не кончится» (А. Терехов) [НКРЯ].

Способность прилагательного *степенный* варьировать в широком диапазоне оценочных возможностей связана с необходимостью использования (в ситуативном контексте) тех или иных уточняющих лексических средств.

Так (см. примеры, приведенные выше), положительная оценка уточняется прилагательными *семейный, обязательный, дорогой* (в краткой форме *дорог*), *порядочный*, а также указанием на сходство с героями русской литературы. Иронично-насмешливая экспрессивность уточняется с помощью морфологических средств (*дяденька*) и прилагательных *лысоватый, степенно-скорбный*.

Задание:

Придумайте и опишите (в письменном виде) две ситуации, в одной из которых прилагательное *степенный* будет нести положительную оценочную характеристику, в другой — отрицательную характеристику. Особое внимание обратите на отбор лексических средств, уточняющих оценочное значение слова *степенный*. Имея в виду различие в значении слов *ирония* и *сарказм*, определите придуманную вами ситуацию как ироничную или саркастичную.

5. В четвертом фрагменте сатирик знакомит нас с «мыслями» воблы, тем самым давая персонажу четкую речевую характеристику: *невинный за виноватого как раз сойдёт; начнут, это, шарить; ан и около пошарят; теперь мне на всё наплевать* (пятый, шестой фрагменты).

Вопрос:

Какой образ (в социальном плане) возникает перед вами?

6. Как вы думаете, почему чувство покорности и страха передано писателем с помощью следующих вопросов: «Где была? По какому случаю? Каким манером?»

Где и при каких обстоятельствах подобные вопросы звучат особенно часто?

7. Как вы понимаете слова сатирика «... ежели по правде рассудить, так именно только одна воблушка в настоящую центру попала» (девятый фрагмент)? Как вы думаете, почему мало симпатичный (мягко выражаясь) «персонаж» назван, казалось бы, ласкательным словом *воблушка*? Действительно ли суффикс *-ушк* имеет здесь значение ласкательности? И если «не имеет», то как вы сформулируете его контекстуальное значение?

Проанализируйте слова «... в настоящую центру попала». Внешне это речь самого автора. Так ли это на самом деле?

8. Выше был приведен только небольшой отрывок из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла». Прочтите сказку целиком и ответьте (желательно в письменной форме) на следующие вопросы:

а. Аллегория, на которой построена сказка, использована сатириком для беспощадного осуждения социального зла. Какого? Суммируйте языковые средства, которые используются писателем для формирования *эмоционально-оценочного* отношения читателя (гнев, негодование, возмущение, презрение) к «мыслям» и поведению воблы.

б. С помощью каких языковых средств сатирик показывает пассивность, неверие в свои силы, которые, по мнению писателя, были характерны для большей части русского общества того времени?

Обратимся к аллегории иного рода. Для этого приведем выдержки из сказки Андерсена «Гадкий утенок».

1. «... еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а все толку нет...

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка, — Может статься, это индюшачье яйцо! Меня тоже надули раз!.. Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшачье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

2. Наконец затрещала скорлупа и самого большого яйца. «Пи! Пи-и!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем непохож на остальных!...

3. — Шевелите лапками! Сказала она (утка-мать) утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех... Утята так и сделали; но другие утки оглядывали их и громко говорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А этот-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

4. И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он ведь вам ничего не сделал!

— Это верно, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему надо задать хорошую трепку!

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме вот этого... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

5. — Никак нельзя, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так ведь нужна. Я думаю, он возмужает и пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень-очень милы! — повторила старая утка. — Ну, будьте же как дома...

6. Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки, и куры.

7. Он больно велик! — говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у

него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, чтобы сделаться посмешищем для всего птичьего двора!

8. Так прошел первый день, затем стало еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:

— Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!..

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

9. Не выдержал утенок, перебежал двор и — через изгородь!

Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня, такой я безобразный!» — подумал утенок и пустился наутек, сам не зная куда. Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, он просидел тут всю ночь.

10. Утром утки вылетели из гнезда и увидели нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

— Ты пребезобразный! — сказали дикие утки. — Но нам до этого нет дела, только не думай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

11. Два дня провел он в болоте, на третий день явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, чего доброго, будешь иметь у них большой успех!

12. «Пиф! паф!» раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода окрасилась кровью... Бедный утенок от страха хотел было спрятать го-

лову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оскалила зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава Богу! — перевел дух утенок. — Слава Богу! Я так безобразен, что даже собаке противно укунить меня!..

13. К ночи он добежал до бедной избушки... Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, причем — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся с своим мнением, когда говорят умные люди!

14. И утенок сидел в углу нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой?! — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

15. — Хорошо наслаждение! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся? Спроси у кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее ее нет никого на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

16. Если уж мы не понимаем, так кто тебя поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит!.. Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Скатертью дорога! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за уродство.

17. Раз вечером, когда солнце так красиво садилось, из-за кустов поднялась целая стая чудных, больших птиц: утенок сроду не видел таких красавцев...

«Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше пусть они меня убьют, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть голод и холод зимою!»

18. И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, завидя его, тоже устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а — лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

19. Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий, — он мог лучше оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, гладили клювами.

В сад прибежали маленькие дети... Все говорили, что новый красивее всех. Такой молоденький, прелестный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

20. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был чересчур счастлив, но нисколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости, — он помнил то время, когда все его презирали и гнали. А теперь все говорили, что он прекраснейший между прекрасными птицами!.. И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был еще гадким утенком!»

(Ханс Кристиан Андерсен. Сказки. Гадкий утенок. Перевод А. Ганзен. Издательство «Художественная литература», Москва, 1973, с. 153—160).

Вопросы и задания:

1. В самом начале сказки Андерсен говорит читателю о том, что несчастья Утенка начались с того самого момента, когда он вылупился из яйца, и причина всех этих несчастий была одна: он был непохож на остальных птенцов (см. 2-ой фрагмент). Всё дальнейшее повествование есть, по сути дела, описание этой непохожести и, главное, отношение действующих лиц сказки к существу отличному от них самих.

Просмотрите приведенный выше фрагмент сказки и выпишите слова, словосочетания и отдельные предложения, с помощью которых писатель рисует внешний образ Гадкого Утенка. Была ли эта непохожесть только внешней или по своей внутренней сути Утенок с самого начала отличался от всех тех, с кем ему пришлось столкнуться в его несчастной жизни?

2. С помощью каких языковых средств Андерсен рисует среду, в которую попадает Утенок? Учтите, что писатель показывает *все* (без преувеличения) слои общества, нетерпимого к тому, что отличается от обычного, стандартного, привычного и понятного.

Так обратите внимание на третий фрагмент. Кого следует почитать?

Да, конечно, тех, кто знатен: «поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех». А каково отношение к незнатным? Их называют оравой и явно не хотят видеть: «ну вот, еще целая орава!» К каким стилистическим пластам лексики принадлежит, с одной стороны, глагол *кланяться* и, с другой стороны, существительное *орава*? Почему эти два слова создают яркий оценочный контраст?

3. Отношение к Утенку проявляется не только в словах. За словами следуют действия, и весьма агрессивные: одна утка подскочила и клюнула его в шею, «ему надо задать хорошую трепку; его уж мы не потерпим». И, в более мягком варианте, «хорошо бы его переделать!» Сетования матери-утки (он ведь вам ничего не сделал) остаются без внимания (4-ый фрагмент).

Большой, странный, не удался — какое из этих слов вы считаете ключевым для понимания причины, лежащей в основе неприятия Утенка его якобы сородичами? Обоснуйте свой ответ в письменной форме.

4. Смысловое развертывание текста сказки происходит следующим образом: от слов и угроз («ему надо задать хорошую трепку», см. 4-й фрагмент) птичий двор переходит к действиям: «бедного утенка клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все». Далее, после обобщающего *все* следует конкретизация «в лице» индейского петуха (см. 7-й фрагмент), который воображал себя императором и, как видно, испытывал твердую решимость задать Утенку хорошую трепку. В данном фрагменте реализуется стилистический прием иронии. С помощью каких языковых средств это делается?

5. Весь двор ополчился на Утенка: утки клевали его, куры щипали, братья и сестры называли несносным уродом, и все его гнали. До сих пор Утенок как-то терпел это обращение, но вот на сцене появляется человек — девушка, которая дает птицам корм, но и она толкала его ногой. И Утенок не выдержал. Как вы думаете, случайно ли появление человека среди аллегорических фигур птичьего характера? Объясните свою точку зрения.

6. Отношение нетерпимости имеет одно, пожалуй, самое серьезное, последствие: человек и сам начинает верить в свою непригодность для жизни в обществе, свою ущербность. Просмотрите фрагменты 9-й и следующие; выпишите слова, словосочетания и отдельные предложения, которые показывают, каким образом человек (аллегорический Гадкий Утенок) смиряется с оценкой, даваемой ему обществом, и не только смиряется, но и признает ее справедливой.

7. Фрагменты 9-й и следующие вводят новый «пласт общества». На сей раз это дикие утки. Они не гонят от себя Утенка, но без стеснения говорят ему в глаза, что он *пребезобразный*. Их главная забота — сохранить «чистоту» своих рядов: «только не думай породниться с нами!» Открытая высокомерная снисходительность диких гусей (*ты такой урод, что, право, нравишься нам; ты такой урод, чего доброго, будешь иметь у диких гусынь-барышень большой успех*) — не лучше прямых оскорблений. Вскоре надменные гусаки падают в камыши мертвыми. Как вы думаете, почему Андерсену понадобился эпизод со стрельбой? Какой цели служат слова *и оба гусака упали в камыши мертвыми*?

8. Мы можем предположить, что дикие гусаки — это, по-видимому, представители «аристократического общества»: это они нередко проявляют оскорбительную снисходительность и небрежное покровительство по отношению к тем, кто стоит на низкой ступени общественного устройства.

Однако и бедные люди не лучше (см. фрагменты 13—16). В бедной избушке живут кот и курица, которые считают себя самыми важными в доме. Более того, они смотрят на себя как на благородное общество и как на лучшую, умнейшую половину всего света. Утенок с этим не согласен и выражает свое мнение (конечно, не вслух) в очень деликатной форме. Какие слова он для этого использует? Какой при этом возникает стилистический контраст, создаваемый такими словами кота и курицы, как *держи язык на привязи; не суйся со своим мнением; бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет; ты совсем рехнулся; не дури; ты — пустая голова*.

9. Кот и курица советуют Утенку нести яйца или мурлыкать и выгибать спинку.

На какие черты характера, присущие людям определенного склада, указывает Андерсен с помощью этих «советов»? Кот и курица это, конечно, аллегорические символы. Какой тип человека стоит за этой аллегорией?

10. Слова из сказки «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца» стали пословицей еще при жизни писателя. Раскройте смысл этой аллегорической сентенции в отдельном эссе.

Обратимся к английскому материалу. Говоря об аллегории и, в частности, аллегории политической и социальной, редкий автор не упомянет имя английского писателя Джорджа Оруэлла.

Примечание: George Orwell is the pen name of Eric Arthur Blair (1903–1950). Among his books is the satirical fable *Animal Farm* 1945, which included such slogans as All animals are equal, but some are more equal than others, and the prophetic *Nineteen Eighty-Four* 1949, which portrays the catastrophic excesses of state control over the individual.

In *Animal Farm* some animals start a revolution but are betrayed by their leaders, the pigs, and suffer even more than before. The book is a satire on revolutions and the struggle for power (по материалам [HE, 797; OGBAC, 346]).

Ниже приводится отрывок из первых страниц книги Оруэлла *Animal Farm*:

1. “All the animals were now present except Moses, the tame raven, who slept on a perch behind the back door. When Major saw that they had all made themselves comfortable and were waiting attentively, he cleared his throat and began:

“Comrades, you have heard already about the strange dream that I had last night. But I will come to the dream later. I have something else to say first. I do not think, comrades, that I shall be with you for many months longer, and before I die, I feel it my duty to pass on to you such wisdom as I have acquired. I have had a long life, I have had much time for thought as I lay alone in my stall, and I think I may say that I understand the nature of life on this earth as well as any animal now living. It is about this that I wish to speak to you.

2. Now, comrades, what is the nature of this life of ours? Let us face it: our lives are miserable, laborious, and short. We are born, we are given so much food as will keep the breath in our bodies, and those of us who are capable of it are forced to work to the last atom of our strength; and the very instant that our usefulness has come to an end we are slaughtered with hideous cruelty. No animal in England knows the meaning of happiness or leisure after he is a year old. No animal in England is free. The life of an animal is misery and slavery: that is the plain truth.

3. But is this simply part of the order of nature? Is it because this land of ours is so poor that it cannot afford a decent life to those who dwell upon it? No, comrades, a thousand times no! The soil of England is fertile, its climate is good, it is capable of affording food in abundance to an enormously greater number of animals than now inhabit it. This single farm of ours would support a dozen horses, twenty cows, hundreds of sheep – and all of them living in a comfort and dignity that are now almost beyond our imagining.

4. Why then do we continue in this miserable condition? Because nearly the whole of the produce of our labour is stolen from us by human beings. There, comrades, is the answer to all our problems. It is summed up in a single word – Man. Man is the only real enemy we have. Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever.

5. Man is the only creature that consumes without producing. He does not give milk, he does not lay eggs, he is too weak to pull the plough, he cannot run fast enough to catch rabbits. Yet he is lord of all the animals. He sets them to work, he gives back to them the bare minimum that will prevent them from starving, and the rest he keeps for himself.

6. Our labour tills the soil, our dung fertilizes it, and yet there is not one of us that owns more than his bare skin. You cows that I see before me, how many thousands of gallons of milk have you given during this last year? And what has happened to that milk which should have been breeding up sturdy calves? Every drop of it has gone down the throats of our enemies. And you hens, how many eggs have you laid in this last year, and how many of those eggs ever hatched into chickens? The rest have all gone to market to bring in money for Jones and his men.

7. And you, Clover, where are those four foals you bore who should have been the support and pleasure of your old age? Each was sold at a year old and you will never see one of them again. In return for your four confinements and all your labour in the fields, what have you ever had except your bare rations and a stall?

8. And even the miserable lives we lead are not allowed to reach their natural span. For myself I do not grumble, for I am one of the lucky ones. I am twelve years old and have had over four hundred children. Such is the natural life of a pig. But no animal escapes the cruel life

in the end. You young porkers who are sitting in front of me, every one of you will scream your lives out at the block within a year.

To that horror we all must come — cows, pigs, hens, sheep. Even the horses and the dogs have no better fate.

9. You, Boxer, the very day that those great muscles of yours lose their power, Jones will sell you to the knacker who will cut your throat and boil you down for the foxhounds. As for the dogs, when they grow old and toothless, Jones ties a brick round their necks and drowns them in the nearest pond.

10. Is it not crystal clear, then, comrades, that all the evils of this life of ours spring from the tyranny of human beings?

Вопросы и задания:

Острота социального анализа, которую мы находим в приведенном выше отрывке, передана в аллегорической форме с помощью целого ряда языковых средств. Первое, на что читатель обратит внимание, это резкое неприятие существующего положения вещей, сформулированное в форме монолога — такого, который представляет собой выступление на собрании, выдвигающем политические требования.

«Население» фермы готовится к революционному восстанию против своего хозяина (его имя *Jones*). Для того, чтобы убедить собравшихся в необходимости восстания, оратор, прежде всего, изображает жизнь обитателей фермы с помощью следующих прилагательных: *our lives are miserable, laborious, and short* (2). Действительно, такова жизнь животных на ферме. Однако, можно ли использовать эти прилагательные для описания жизни не животных, а людей, например, шахтеров? Этот вопрос можно сформулировать по-другому: находим ли мы здесь некий, довольно прозрачный, аллегорический намек? И каков, в таком случае, смысл существительного *farm*?

1. Как вы думаете, случаен ли выбор фамилии хозяина фермы (6, 9)? Является ли эта фамилия распространенной?

2. Во втором фрагменте оратор конкретизирует значение прилагательного *miserable*, которое является словом обобщенной отрицательно-оценочной характеристики.

Конкретизация этого слова осуществляется следующим образом:

- a) we are given so much food as will keep the breath in our bodies;
- b) those of us... are forced to work to the last atom of our strength;
- c) we are slaughtered with hideous cruelty.

Какой из этих трех этапов жизни животного на ферме может быть аллегорическим образом соотнесен с этапами жизни шахтера (или любого другого человека, занятого тяжелым, часто непосильным, трудом)?

Является ли глагол в пассивной форме *are slaughtered* эмоциональной вершиной приведенного выше перечислительного ряда (a, b, c)? Почему, по вашему мнению, все члены этого ряда имеют одну и ту же форму пассива: *are given, are forced, are slaughtered*?

3. Во втором фрагменте находим прилагательное *hideous*, которое имеет значение 'extremely ugly or bad' (*We are slaughtered with hideous cruelty*). Подобно упомянутому выше прилагательному *miserable*, оно также имеет обобщенное эмоционально-оценочное значение и поэтому может сочетаться с неопределенно большим количеством существительных. Данные существительные тоже, подобно прилагательному *hideous*, имеют интенсивное отрицательно-оценочное значение. Имеются в виду, например, такие слова, как *atrocities, nightmare, crime, barbarities, cruelty*:

He had committed *a hideous crime*.

The whole experience had been like *some hideous nightmare*.

The negotiations dragged on without result; the war continued with *hideous barbarities* on both sides.

In August the Spaniards took Prato and committed *hideous atrocities* on the inhabitants.

Прилагательное *hideous* обладает способностью создавать отрицательно-оценочные экспрессивные смысловые блоки не только с такими существительными, как *atrocities*, но также и с отрицательно-оценочными синонимичными прилагательными, такими, например, как *loathsome, mean, degraded, revolting*:

Among the lowest tribes of Africa and America we hardly find *anything more hideous and revolting*.

Nature had made him *mean*, the smallpox had made him *hideous*, and his *degraded* habits made him *loathsome*.

Задание:

По аналогии с примерами, приведенными выше, придумайте 10-12 словосочетаний прилагательного *hideous* + существительное или какое-либо другое прилагательное отрицательной оценочной характеристики, например, *hideous and revolting*. Поскольку в анализируемом нами фрагменте речь идет о публичном выступлении, придуманные вами словосочетания должны быть уместны в ораторской речи.

4. Ораторское выступление использует форму вопроса (см. фрагмент 3), являющегося, по сути, риторическим. Как сами вопросы, так и ответы на них, строятся в форме синтаксически параллельных конструкций: *is this simply part of...? is it because ...?*

Как вы думаете, почему ритмически организованный синтаксический параллелизм способен внести в речь оратора элемент драматического напряжения?

5. Одно из основных качеств публичной речи состоит в умении оратора убедить аудиторию в правоте излагаемых им мыслей. Обратите внимание на то, каким образом обобщенное высказывание *Man is the only real enemy we have* затем конкретизируется с помощью, казалось бы, простых, но очень доходчивых аллегорических примеров (4, 5):

Man is the only creature that consumes without producing; He does not give milk; he does not lay eggs; he is too weak to pull the plough; he cannot run fast enough to catch rabbits.

Как вы думаете, почему убеждающим примерам придана форма синтаксического параллелизма?

6. Сказав, *there is not one of us that owns more than his bare skin* (6), оратор переходит к конкретным примерам, обращаясь к каждому из присутствующих в отдельности: *you cows* (6); *you hens* (6); *you, Clover, where are those four foals* (7); *you, young porkers* (8); *you, Boxer* (9). Кроме того, оратор упоминает других животных: *pigs, sheep, dogs*, не оставляя, как отмечалось выше, без своего внимания кого-либо из присутствующих.

Как вы думаете, какой ораторский прием производит на слушателей большее впечатление — от общей констатации к частным, конкретным подтверждениям высказанной

ранее мысли (см. выше) или же, наоборот, от отдельных примеров — к обобщению? Возможно, вы сочтете, что в ораторской речи эти два приема должны сочетаться.

Напишите о своей точке зрения несколько слов.

Рассмотрим еще одну аллегорию, которая является философской притчей. Её тема — неистребимое стремление человека к совершенству и та цена, которую человеку приходится платить за это стремление.

Впервые притча Ричарда Баха “Jonathan Livingston Seagull” (Richard Bach. Jonathan Livingston Seagull. St. Petersburg. Azbooka-classic Publishing House. 2003) была опубликована в 1970 г. К 1972 г. она была переведена на множество языков и достигла тиража в один миллион экземпляров, получив, таким образом, всемирную известность. Притча справедливо считается шедевром мировой литературы XX века.

Как это было сделано выше, для удобства анализа приводимый ниже отрывок разделен на пронумерованные фрагменты.

1. “A mile from shore a fishing boat chummed the water, and the word for Breakfast Flock flashed through the air, till a crowd of a thousand seagulls came to dodge and fight for bits of food. It was another busy day beginning.

But way off alone, out by himself beyond boat and shore, Jonathan Livingston Seagull was practicing. A hundred feet in the sky he lowered his webbed feet, lifted his beak, and strained to hold a painful hard twisting curve through his wings... He narrowed his eyes in fierce concentration, held his breath, forced one... single... more... inch... of...curve... Then his feathers ruffled, he stalled and fell...

But Jonathan Livingston Seagull, unashamed, stretching his wings again in that trembling hard curve — slowing, slowing, and stalling once more — was no ordinary bird.

2. Most gulls don't bother to learn more than the simplest facts of flight — how to get from shore to food and back again. For most gulls, it is not flying that matters, but eating. For this gull, though, it was not eating that mattered, but flight. More than anything else, Jonathan Livingston Seagull loved to fly.

3. This kind of thinking, he found, is not the way to make one's self popular with other birds. Even his parents were dismayed as Jonathan spent whole days alone, making hundreds of low-level glides, experimenting.

4. "See here, Jonathan," said his father, not unkindly, "Winter isn't far away. Boats will be few, and the surface fish will be swimming deep. If you must study, then study food, and how to get it. This flying business is all very well, but you can't eat a glide, you know. Don't you forget that the reason you fly is to eat."

5. For the next few days he tried to behave like the other gulls; he really tried, screeching and fighting with the flock around the piers and fishing boats, diving on scraps of fish and bread. But he couldn't make it work.

6. It's all so pointless, he thought, deliberately dropping a hard-won anchovy to a hungry old gull chasing him. I could be spending all this time learning to fly. There's so much to learn!

It wasn't long before Jonathan Gull was off by himself again, far out at sea, hungry, happy, learning...

7. By the time he had pulled his beak straight up into the sky he was still scorching along at a hundred and sixty miles per hour. When he had slowed to twenty and stretched his wings again at last, the boat was a crumb on the sea, four thousand feet below.

8. His thought was triumph. Terminal velocity! A seagull at *two hundred fourteen miles per hour*! It was a breakthrough, the greatest single moment in the history of the Flock, and in that moment a new age opened for Jonathan Gull ...He spared no time that day for talk with other gulls, but flew on past sunset...

9. When Jonathan Seagull joined the Flock on the beach, it was full night. He was dizzy and terribly tired. Yet in delight he flew a loop to landing, with a snap roll just before touch-down. When they hear of it, he thought, of the Breakthrough, they'll be wild with joy. How much more there is now to living! Instead of our drab slogging forth and back to the fishing boats, there is a reason to life! We can lift ourselves out of ignorance, we can find ourselves as

creatures of excellence and intelligence and skill. We can be free! *We can learn to fly!* The years ahead hummed and glowed with promise.

10. The gulls were flocked into the Council Gathering when he landed, and apparently had been so flocked for some time. They were, in fact, waiting.

11. “Jonathan Livingston Seagull! Stand to Center!” The Elder’s words sounded in a voice of highest ceremony. Stand to Center meant only great shame or great honor... But I want no honors. I have no wish to be leader. I want only to share what I’ve found, to show those horizons out ahead for us all. He stepped forward.

12. “Jonathan Livingston Seagull,” said the Elder, “stand to Center for Shame in the sight of your fellow gulls!” It felt like being hit with a board...Centered for shame? Impossible! The Breakthrough! They can’t understand! They’re wrong, they’re wrong!

13. “... for his reckless irresponsibility,” the solemn voice intoned, “violating the dignity and tradition of the Gull Family...” To be centered for shame meant that he would be cast out of the gull society, banished for a solitary life on the Far Cliffs.

“...one day, Jonathan Livingston Seagull, you shall learn that irresponsibility does not pay. Life is the unknown and the unknowable, except that we are put into this world to eat, to stay alive as long as we possibly can.”

14. A seagull never speaks back to the Council Flock, but it was Jonathan’s voice raised. “Irresponsibility? My brothers!” he cried. “Who is more responsible than a gull who finds and follows a meaning, a higher purpose for life? For a thousand years we have scrabbled after fish heads, but now we have a reason to live — to learn, to discover, to be free! Give me one chance, let me show you what I’ve found...”

15. The Flock might as well have been stone. “The Brotherhood is broken,” the gulls intoned together, and with one accord they solemnly closed their ears and turned their backs upon him.

Этот отрывок примечателен тем, что он целиком построен на стилистическом приеме антитезы. Так, в первом фрагменте находим *to dodge and fight for bits of food*. Данному занятию стаи резко противопоставлено благородное увлечение Джонатана. Для

этого автор использует глаголы *to strain, to force, to hold (one's breath)*, прилагательные *painful, hard, fierce*, существительное *concentration (fierce concentration)*.

Что касается самой стаи, то, как было сказано выше, для описания её действий и отношения чает друг к другу использованы два глагола: *to dodge* и *to fight (for bits of food)*. Напомним значение глагола *to dodge*: 'to avoid being hit by somebody by moving quickly to one side'.

Задание:

Определите общее значение, которое в данном контексте объединяет прилагательные *painful* и *hard*. Аналогичное задание касается глаголов *to strain, to force, to hold one's breath*. Для выполнения этого задания, возможно, вам понадобятся данные толковых словарей.

Вопрос:

Какую роль играет существительное *bits* и глагол *to fight (fighting for bits of food)* в создании немногословной, но, тем не менее, четкой оценочной экспрессии, связанной с целью и образом жизни стаи?

Можно ли считать, что в данном случае словосочетания *to fight for bits of food* и *to scabble after fish heads* являются контекстуальными синонимами (14-ый фрагмент)?

Обратите внимание на то, как толковые словари объясняют значение глагола *to scabble*: 'to try to get something quickly that is not easily available' [Cambridge]; 'If you say that someone is scabbling to do something, you mean that they are having difficulty because they are too much of a hurry' [Collins Online].

Как вы думаете, почему глагол *to scabble* нередко оказывается связанным с эмоционально напряженными лексическими единицами, например, с наречием *frantically* и прилагательным *desperate*:

They began frantically to scabble in the stone and dust;

He saw Mariana scabble at the grass, desperate for purchase.

Итак, первая антитеза, на которую мы обратили внимание, может быть сформулирована следующим образом:

to dodge, to fight for bits of food vs. to practice, to strain, to hold a painful hard curve.

Примечательно, что в переводе экспрессивность этой глагольной антитезы удачно передана с помощью слов иной части речи, в данном случае с помощью существительных: «В миле от берега с рыболовного судна забросили сети с приманкой, весть об этом мгновенно донеслась до Стаи, ожидавшей завтрака, и вот уже тысяча чаек слетелась к судну, чтобы *хитростью* или *силой* добыть крохи пищи» (в указанном выше издании перевод с английского сделан Юни Родман).

Следующая антитеза имеет ‘количественный’ характер:

a crowd of a thousand seagulls vs. (Jonathan was) out by himself.

В этом противопоставлении существенную экспрессивную роль играет существительное *crowd*. Согласно толковым словарям *crowd*, в данном случае, имеет значение, которое подчеркивает ординарность, заурядность собравшихся вместе чаек. В результате, помимо исходного экспрессивно нейтрального значения ‘a close gathering and pressing together’, ‘a group of people having something (such as a habit, interest or occupation) in common’ [Merriam-Webster], существительное *crowd* реализует также еще одно, в данном случае оценочное, значение, которое формулируется как ‘people who are not special or unusual, ordinary people’.

Задание:

В приводимых ниже примерах выделите случаи использования существительного *crowd* в значении, которое можно обозначить как экспрессивно нейтральное, и случаи, в которых отчетливо формулируется оценочное значение:

- 1) She prefers to be one of the crowd;
- 2) As a teacher, he always stood out from the crowd;
- 3) He was never one to follow the crowd, so we weren’t surprised when he dropped out of college to start his own business;
- 4) ... kids trying to distinguish themselves from the crowd;
- 5) With long strides, he started toward her, pushing his way through the crowd;
- 6) The crowd had dispersed, so they turned toward the only hotel in town.

Антитеза, реализуемая в следующем (втором) фрагменте, может быть представлена как *eating* vs. *flying*. Примечательно, что в рамках стилистической фигуры антитезы оценочно нейтральное отглагольное существительное *eating* (в значении ‘taking food or a meal’) приобретает отчетливую отрицательную коннотацию. Это достигается несколькими способами: во-первых, указанием на то, что для Стаи *единственное*, что имеет значение, это еда (“For most gulls, it is not flying that matters, but eating”); во-вторых, развернутым (см. 4-ый фрагмент) объяснением смысла жизни, в котором отец Джонатана без тени недоброжелательности поучает сына следующим образом: “If you must study, then study food, and how to get it... You can’t eat a glide, you know. Don’t you forget that *the reason to fly is to eat*”.

Та же мысль, но высказанная с помощью иных лексических средств, сформулирована в словах Старейшего, который собрал Совет для того, чтобы всем вместе решить судьбу Джонатана. Попутно отметим наличие в рассматриваемом нами фрагменте не только содержательной антитезы, но также антитезы стилистической: так, *разговорное* в словах отца *see here; this flying business is all very well but...; you know, you can’t eat a glide* (в удачном переводе «одними полётами сыт не будешь») противопоставлено *литературно-книжным* лексическим единицам в словах Старейшего: *reckless irresponsibility; to violate the dignity of...; tradition of the Family*.

Две сентенции, сформулированные Старейшим, входят в состав антитезы, которую можно сформулировать следующим образом (фрагменты 13 и 14):

Life is the unknown and the unknowable, we are put into this world to eat vs. to have a reason to live, to learn, to discover, to be free.

Сентенция представляет собой краткое изречение нравоучительного характера, как правило, близкое к афоризму, к максиме. Существенный признак сентенции состоит в том, что она может цитироваться вне контекста.

Особая экспрессивность двух сентенций, изреченных Старейшим, объясняется тем, что, будучи облаченными в традиционную грамматическую и лексическую форму нравственных изречений, они, по своему смыслу, лишают человека права быть человеком.

И если слова отца (см. 4-ый фрагмент) это просто банальность, сформулированная урядным человеком, то сентенции Старейшего (для Стаи его мнение окончательно и не подлежит обсуждению) формулируют кредо власти относительно смысла жизни или, вернее, отсутствия этого смысла.

Задание:

Сочините (по-английски или по-русски) две сентенции. Одна из них будет иметь положительный нравственно-поучительный характер; другая, сочиненная вами в духе Старейшего, будет иметь саркастический характер. Ниже приводятся несколько разнородных сентенций:

Правдивость — долг каждого порядочного человека (В.О. Ключевский).

Талантливый человек талантлив во всем.

История не учит, она только наказывает тех, кто не хочет учиться (Заимствовано из: М.Л. Гаспаров. Записки и выписки, 2001).

Епископ Сенезский, из его надгробного слова Людовику XV: «Народ не имеет права говорить, но, без сомнения, имеет право молчать!.. И тогда его молчание является уроком для королей» (заимствовано из НКРЯ).

Сентенция «У нас незаменимых нет», широко использовавшаяся в советские времена, в наше время звучит саркастически.

Рассмотрим еще одну антитезу:

to be centered for shame vs. *to feel triumph* (13-й и 8-й фрагменты):

His thought was triumph. Terminal velocity, it was a breakthrough, the greatest single moment in the history of the Flock, and in that moment a new age opened for Jonathan Gull.

Эмоциональная напряженность данной антитезы объясняется значением слов *shame* и *triumph*. Толковые словари объясняют значение существительного *shame* следующим образом: ‘a painful emotion caused by the belief that one is, or is perceived by others to be, inferior or unworthy of affection or respect because of one’s actions, thoughts or experiences’ (1-е значение в [АН]).

В этом толковании обратим внимание на слова *inferior*, *unworthy*, которые входят в число так называемых эмоционально напряженных лексических единиц. Приведем пример еще одной антитезы, использующей существительное *shame*: “Jonathan Livingston Seagull! Stand to Center!” The Elder’s words sounded in a voice of *highest ceremony*. Stand to Center meant only *great shame* or *great honor*” (11-й фрагмент).

В свою очередь, существительное *triumph*, толкуемое как: (a) ‘a great victory or achievement’; (b) ‘the joy or exultation of victory or success’, — реализует данные значения с помощью оценочных лексических средств, таких, как a *breakthrough* (a sudden *dramatic and important discovery*), *the greatest single moment*, *a new age opened for...*).

Задание:

Попробуйте сочинить (на английском или русском языке) эмоционально напряженную ситуацию, в которой будут использованы существительные *shame* и *triumph*. Особое внимание обратите на упомянутые выше два значения существительного *триумф*: (1) ‘огромная победа, огромное достижение’ и (2) ‘переживание, эмоции, вызванные этим достижением’.

В заключение отметим следующее: сравнение аллегорий в текстах различных жанров (социально-политическая сказка Салтыкова-Щедрина, сказка Андерсена, политическая сатира Оруэлла, философская притча Ричарда Баха о смысле жизни) говорит о том, что анализ аллегории, как приема персонификации той или иной абстрактной идеи, может начинаться с выделения морфологических, лексико-синтаксических и стилистических средств, имеющих оценочное значение. При этом последнее должно являться ключевым для осознания смысла аллегории.

Смысловая близость ключевых лексических элементов к другим оценочным словам наблюдается в рамках отдельного словосочетания, отдельного предложения или группы предложений, образующих сверхфразовое смысловое единство (так называемое СФЕ).

Список сокращений

БТС — Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года // <http://gramota.ru/slovari/dic>.

ЛС — Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/new>.

Ожегов, Шведова — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006.

ПС — Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.

АН — American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Copyright © 2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // <https://thefreedictionary.com>.

Cambridge — Cambridge Dictionary // <https://dictionary.cambridge.org/>.

Collins — Collins English Dictionary – 3rd ed. HarperCollinsPublishers, 1994.

Collins Online — Collins COBUILD Dictionary // <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.

HE — The Hutchinson Encyclopedia. Helicon, 2001.

MW — Merriam-Webster Dictionary // <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

OGBAC — Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2007.

Teaching materials for fiction texts analysis:

allegory as a stylistic device

**N.M. Razinkina (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper is focused on the following issues: specificity of fiction texts which are entirely an allegory; words capable of personification of abstract ideas; words playing a key role in describing symbolic fictional characters and their figurative meaning; combinatory power of

key words in their relation to those having, in the text under study, emotional or evaluative connotations; direct speech of a character as a special means for describing one thing in terms of another.

Keywords: Irony, sarcasm, word's evaluative meaning, contextual evaluative synonymy.